

Фото М. МАЧАВАРИАНИ

Празднование 150-летия Русского драматического театра имени А.С.Грибоедова в Тбилиси долго откладывалось — целых два года. Не до юбилеев было. Сгустившиеся над самим театром тучи — угроза слияния с русским Театром для детей и молодежи — сейчас, кажется, развеялись. Надолго ли, покажет время. И вот он, юбилей, да еще в торжественные дни Тбилисского международного фестиваля искусств.

В этот день старейший Русский театр в Тбилиси вспомнил былые времена, когда он был властителем дум и носителем высочайшего искусства.

В юбилейный вечер в театре было особенно торжественно — члены правительства во главе с Эдуардом Шеварднадзе, масса официальных лиц, гостей и, конечно, преданные театру зрители, не оставлявшие его в самые трудные периоды жизни. Были и награждения — указом президента Грузии орденом Чести была награждена замечательная

артистка Русского театра, отдавшая ему полвека, Наталья Бурмистрова, а целая группа артистов — медалями.

Среди гостей были российские артисты — так, Кирилл Лавров напомнил в своем поздравлении, сколько имен уже ушедших людей связывают Театр Грибоедова и Большой драматический, в первую очередь это Георгий Товстоногов, начинавший свой режиссерский путь в Грибоедовском театре. А приветствовавшая театр труппа Ростовского драмтеатра оповестила о своем творческом союзе с нынешним художественным руководителем Грибоедовского театра Георгием Кавтарадзе, поставившим в Ростове три спектакля.

Русский театр в свой юбилей не ограничился ролью благодарного слушателя, коллектив показал зрителям свою новую работу “Женщина” (“Екатерина Ивановна”) Леонида Андреева.

О памяти прошлого, сегодняшнем и завтрашнем дне театра и просто жизни — наша беседа с Георгием Кавтарадзе.

— **Гоги, наверное, не очень легко ощущать за спиной театра, которым руководишь, полуторавековую историю?**

— История — это замечательно. А Русскому театру в Тбилиси есть чем гордиться, предки оставили по себе громкую славу. Первую труппу возглавлял Яблочкин, позже здесь начинали свою творческую жизнь Немирович-Данченко, Сумбатов-Южин, Яблочкина, Ленский, Правдин, три сезона Мейерхольда — одни эти имена чего стоят! Но, с другой стороны, это к чему-то обязывает.

— Как вы, грузинский актер и режиссер, ощущаете себя в русском театре?

— Нормально. Потому что театр — нечто абсолютно особенное. Оставаясь национальным, он по своей сути космополитичен. Тем более в наше время. Я ставил спектакли в Болгарии, Словакии, России, оставаясь грузинским режиссером. Это нисколько не мешало мне работать. Наверное, можно поиронизировать над моим акцентом в русском, тут я уж точно не Златоуст. Но я пришел в Русский театр, неся в себе глубокое уважение к русской культуре и понимая, что Русский театр должен оставаться русским. При этом он обязан знакомить зрителей и с грузинской, и с мировой драматургией, что и делал всегда русский театр в Грузии.

— Каково место Театра Грибоедова в сегодняшней жизни?

— Он был и остается неотъемлемой частью культурной жизни Тбилиси. В молодости мы бегали в Грибоедовский так же, как и в грузинские театры. Знали его репертуар, актеров. Грузинские режиссеры с удовольствием ставили здесь свои спектакли. Сейчас театру, конечно, труднее поддерживать это положение, но надо стараться изо всех сил, чтобы выдержать творческую конкуренцию. В наше время жестоких политических игр, я думаю, Русский театр в Грузии может сыграть важную роль.

— Вы пришли в театр не в самые легкие для него времена. Как сегодня удастся

Кавтарадзе — 1997. — 11 дек. — С. 5

Я родился “наизнанку”

выживать?

— Конечно, нам трудно, порой очень трудно. В начале 90-х многие артисты Грибоедовского уехали из Грузии, чтоб выжить. И их нельзя упрекнуть. Правда, сейчас трое, поработав в России, вернулись. Скоро возвращается ведущая актриса Нелли Килосанидзе. А в самые тяжелые времена войны и гражданского противостояния нас не забыли российские коллеги — в Москве организовался фонд помощи грузинским театрам, мы благодарны за это. Кроме этого, в театр поступили тогда перечисления от Хазанова, Табакова, Быкова — мы этого не забудем никогда. Помогали нам российские коллеги и с гастролями в России, мы побывали на Чеховском фестивале в Таганроге с “Вишневым садом”, а в Челябинске на фестивале “Камерано” возили “Запасной аэродром”, причем мы были единственными из ближнего зарубежья.

Ходить с проткнутой рукой — ощущение не из приятных. В последнее время финансовое положение немного улучшилось — нам стало помогать государство. Хотя новые постановки мы делаем все равно с помощью спонсоров. Слава Богу, они пока находятся. В принципе все театры Грузии приблизительно в одинаковом положении — выкручиваются, как умеют. Финансовые проблемы всегда связаны с творческими. Гложет собственное внутреннее неудовлетворение. У меня, например, такого раньше никогда не было — 7 спектаклей за 5 лет. Правда, раньше не было войны, “мертвых сезонов” и вычеркнутых из жизни зим. В таких предлагаемых обстоятельствах не особенно поработаешь.

— “Мертвый сезон” зимой — это уже навсегда?

— Главная проблема — отопление. Без него зимой невозможно работать. Кое-как мы дотягиваем до зимних школьных каникул, а дальше — тишина, по крайней

мере до апреля. Пока нам пошло навстречу министерство энергетики — списали долг за электричество, спонсировали последнюю премьеру, причем сами пришли и предложили. Сейчас мы ищем спонсоров для автономной системы отопления — не на все помещение, хотя бы для сцены и зала...

— Богатое актерское прошлое помогает вам как режиссеру находить общий язык с труппой?

— По профессии я режиссер. Актерство вторично, хотя обычно бывает наоборот. Но я вообще родился немного “наизнанку”. Чтобы поступить на режиссерский, надо было иметь двухлетний трудовой стаж по будущей специальности. И после школы я пошел работать в Театр Марджанишвили, был чем-то вроде помощника режиссера. А в театре вечно что-то не так: кто-то заболел или опоздал — надо подчитать или подобрать реплику. Тогда и заметили меня. Я честно отработал два года и поступил на режиссерский. В то время Гига Лордкипанидзе ставил “Я вижу солнце”, а в марджановской труппе не было артиста на роль мальчика. И он пригласил меня. Потом я играл в Театре Рушавели у Стурца — тоже мальчика. А там пошло кино...

— В своих постановках вы обычно не играете. “Запасной аэродром” в Грибоедовском — исключение?

— Да, здесь я впервые играл в собственном спектакле. Но это, скорее, вынужденный ход — хотел привлечь внимание к театру: грузинский артист на русской сцене.

— До Грибоедовского у вас за плечами был опыт руководства театрами в Батуми, Кутаиси, Сухуми. Кстати, вас никогда не “уходили” из театров. Почему же вы кочевали из одного города в другой? Это козни судьбы или свойства характера?

— Я и сам всегда задумывался — судьба это или ошибка жизни? Кстати, в Сухуми я начал писать книжку, она так и называлась: “Мои ошибки”. Говорят, мемуары надо писать, когда еще что-то помнишь. Рукопись была почти готова, с огромным количеством фотографий, но все так и осталось в Сухуми. Если квартира и уцелела, то или разграблена, или живут там “победители”. Я учился у лучшего режиссера-педагога Михаила Ивановича Туманишвили. После окончания работал на рушавелевской сцене. Так бы оно и катилось дальше. Но однажды Отар Такташвили, наш министр культуры, вдруг говорит мне: “Ты не поехал бы в Батуми главным?” И началась моя кочевая жизнь.

— Вы говорили, что некоторые артисты уехали, это заметно и зрителям. А как быть с новым пополнением, если из России выпускники уже не приезжают?

— Естественно, сейчас пригласить артиста поработать в Тбилиси практически невозможно. В последнее время в труппу театра вливались выпускники русских групп Грузинского театрального института. А сейчас с новым Институтом культуры мы решили объявить конкурс на отделение актерского мастерства специально для нашего театра — фактически это будет студия при театре.

— В рамках тбилисского фестиваля искусств “Подарок” мы увидели два ваших шекспировских спектакля “Король Лир” и “Ричард III”, поставлен-

ных в Ростовском драматическом театре. Как случился ваш театральный роман?

— С ростовчанами у меня длительный роман: кроме двух шекспировских спектаклей, я поставил еще “Бесов” Достоевского. Я считаю, что творческие контакты сейчас необходимы как никогда. Каждая постановка — это напоминание о культуре Грузии, ведь каждый режиссер работает не один, он приглашает целую постановочную группу, так делают и Стурца, и Чхеидзе. Я, например, не представляю свои сценические варианты вне Грузии без драматурга Саши Котетишвили, без художника Юры Гегешидзе, композитора Тенгиза Джагани.

— Чем порадует Русский театр в Тбилиси после юбилея?

— Я собираюсь продолжить в репертуаре линию русской классики, мне очень интересна “Анна Каренина” в инсценировке М. Рождина. Мы обязательно откликнемся и на 70-летие Нодара Думбадзе, это одно из самых дорогих для меня имен — я играл почти во всех его пьесах. И еще я хотел бы поставить для детей и взрослых “Маугли” Киплинга. Я его задумал для себя как посвящение нашему детству — хочу сделать очень красочный спектакль, чтобы он соответствовал детскому представлению о мире животных. Мне кажется, дети устали от условностей, они должны видеть приближенное к реальности — джунгли, лианы, медленно движущиеся слоны вдалеке. И еще есть такая дерзкая идея — к юбилею Пушкина поставить “Бориса Годунова”. Конечно, хотелось бы увидеть на сцене и острую современную пьесу. Но драматургия пока не успевает угнаться за событиями, не в состоянии осмыслить всю сложность и глубину происходящего.

Беседу вела
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

ТБИЛИСИ